

Приближался Праздник Средины осени.

Чжун Мин стоял у высокой ограды поместья Хуан, задрал голову: над стеной склонялись ветви с зацветшим ещё летом миртом, целые гроздья нежно-лиловых лепестков тесно сбивались в шапки, пышно и шумно цветя. Этому цветку дано и другое название — «стодневная красота»: его цветение тянется с шестого месяца вплоть до девятого, а как осыплется, тут уж пора раскрываться душистому османтусу.

Он смотрел долго, вдыхал лёгкий аромат, тонкой дымкой вьющийся в воздухе, и вдруг вспомнил: когда-то видел на улицах вышитые мешочки-саше с веточками мирта — на светлой шёлковой ткани расшиты крохотные лепестки, внутрь вложены травы и засушенные цветы, а сбоку свисает пёстрая шёлковая кисточка. Тогда, в былые разгульные годы, товарищи по весёлой компании иной раз покупали такие мешочки, чтобы подарить своим возлюбленным — девушкам или герам; по сравнению с украшениями, стоили они не так дорого. Чжун Мин тогда и не интересовался, бывало, если кто задерживался у лавки, только подгонял скорее идти. А вот сейчас, вспомнив невзначай, вдруг подумал: если бы Су И повесил на пояс такое саше, выглядело бы наверняка очень красиво.

— Почтение управляющему Шану.

Послышался голос старой привратницы, открывавшей боковую калитку и спешившей поздороваться с вышедшим человеком. Чжун Мин выпрямился и увидел знакомую фигуру.

Управляющего Шана звали Шан Ань. Ещё подростком он продался в дом Хуан и с тех пор служил при втором господине, а жена его была из числа девушек-служанок, которые пришли с приданым во второй дом вместе с хозяйкой; позже по воле господ им назначили брак, и дети их уже родились в имении — мальчик и девочка, теперь они прислуживали молодому господину и молодой мисс из второй ветви семьи. Таких семей в богатых домах водилось немало: именно они считались самыми надёжными и преданными хозяевам, поэтому господа и любили полагаться на них.

Шан Ань был одним из самых видных слуг во втором доме, иначе ему не доверили бы управление закупками для кухни — в этом деле водилось немало жирных барышей. После того как он дважды купил у Чжун Мина редкие продукты и преподнёс их в дар старой госпоже, принеся тем самым второму господину и второй госпоже честь перед старшей и третьей ветвями семьи, доверие к нему возросло ещё больше. Ведь еда — первая из человеческих забот, а у пожилых людей аппетит быстро пропадает; старая госпожа же любила, когда её величали «долгожительницей» и искали для неё всяческих добрых предзнаменований. Две удачные находки Шан Аня точно пришлись ей по сердцу, и награда перепала не только ему, но и всей его семье.

Увидев, какую выгоду это ему приносит, Шан Ань стал подходить к делу ещё тщательнее.

Уже скоро после сентябрьского жертвоприношения Морской Богине предстоял юбилей старой госпожи, и второй господин со второй госпожой изо дня в день ломали голову, не зная, какой

подарок выбрать, чтобы и почтение проявить, и искренность показать. Тогда Шан Ань через жену подсказал своей госпоже: а не нанять ли людей воды, отправить корабль в море и достать там редкую, особо ценимую диковину, к примеру, упомянутый в летописи уезда мэйхуа-шэнь — морской огурец с узором, похожим на цветы сливы.

Эту идею он выискал нарочно, желая выслужиться: перевернул все книги, расспросил людей и убедился, что упоминания об этом морском огурце не пустая выдумка, что и вправду есть свидетели, встречавшие его, и лишь тогда решился открыть рот. И в самом деле, ведь в уездных записях ясно сказано: мэйхуа-шэнь когда-то подавали в качестве подношения императорскому двору, а потому тут не могло быть обмана.

Вторая госпожа, разумеется, заинтересовалась, велела позвать Шан Аня, чтобы он рассказал всё в подробностях, а заодно принес переписанный им отрывок из летописи. Прочитав, она спросила, как он намерен отправляться на поиски.

Для дома Хуан снарядить корабль не было проблемой — все эти прибрежные богачи изначально поднимались на морской торговле, и люди у них для плаваний всегда были под рукой. Но ведь море бескрайнее: отправиться за морским огурцом легко сказать, а где его искать? Если бы мэйхуа-шэнь валялся повсюду, его и не считали бы императорской данью.

На этот счёт у Шан Аня давно был заготовлен ответ — он выставил вперёд фигуру Чжун Мина.

— Этот парень от природы в воде будто рыба, — сказал он. — Говорят, может пробыть в море с четверть часа, не сделав и вдоха. А ещё он из людей воды и не страшится дальнего плавания. Я и подумал: если нанять его, то шанс найти желаемое куда выше.

Вторая госпожа на мгновение замолчала: ей всё равно казалось, что дело это не столь надёжно, как звучит. Что если они выйдут в море и вернуться с пустыми руками? Тогда их второму дому навесят дурную славу - мол, зря трудились и зря деньги извели, и в этом не будет никакой красоты.

Тут уж подала голос жена Шан Аня, Цю-ши:

— Вторая госпожа, по мне, так вы слишком все усложняете.

Она служила при госпоже много лет, та привыкла выслушивать её советы, и потому, уловив на себе хозяйкин взгляд, Цю-ши продолжила:

— Мы ведь вовсе не обязаны снаряжать корабль дома Хуан. Пусть идёт судно из вашего родительского дома, тогда ни старший, ни третий двор не смогут придрататься. А даже если им захочется подражать, всё равно у них не выйдет! Скажите, разве родня старшей госпожи или третьей может сравниться с вашей? Так станет ещё яснее: именно вы проявили к старой госпоже наибольшую заботу и почтение. Ну а уж когда корабль действительно уйдёт в открытое море, если повезёт добыть мэйхуа-шэнь — прекрасно, если нет, то ведь и без того

дальние воды куда щедрее ближних: даже без мэйхуа-шэнь уж неужто нельзя достать там добрых, крупных морских огурцов?

Вторая госпожа уловила суть сказанного, и уголки её губ тронула лёгкая улыбка. Цю-ши, заметив это, поднажала:

— А если уж совсем отступить, даже без больших морских огурцов вдруг отыщется какая редкость вроде той самой гигантской цзиньяо? Или, скажем, попадутся абалоны, да не мелкие, а величиной с кулак? К слову, та самая цзиньяо ведь тоже была выловлена именно этим Чжун Мином! В конце концов, что бы ни досталось, лишь бы выглядело диковинкой и стоило красивого рассказа. А уж как мы преподнесём и расхвалим, это уже дело техники.

Так муж с женой наперебой уговаривали госпожу, что та в итоге и впрямь прониклась их доводами. Вечером она обсудила с мужем, и решили выходить в море. Судно возьмут из каравана семьи Инь, откуда родом сама вторая госпожа. Хоть семья Инь и не живет в Цинпу, но в пределах уезда Цзююэ, рукой подать; пригнать корабль, способный выйти в открытое море, не проблема.

Оставалось одно: искусство Чжун Мина они ведь своими глазами не видели. Надлежало сперва испытать, действительно ли он так хорош в воде, как о себе говорит. Если да — отправят с ним корабль, а уж награду обговорить несложно: в доме Хуан денег более чем хватает.

Именно по этой причине Шан Ань и поспешил вчера разыскать Чжун Мина. Сначала наведалься на рынок и узнал, что тот ныне сменил место и торгует на Южной улице. Отправился туда, а там услышал, что парень уехал в деревенскую бухту нырять за рыбой. К счастью, задержался он всего на один день: в условленный час Чжун Мин уже дожидался у чёрного хода.

Ещё по дороге сюда он догадался: если управляющий Шан ищет встречи, то наверняка речь о том самом морском огурце, о котором он обмолвился вскользь. Иначе, если бы были нужны всего лишь обыкновенные дары моря, его не стали бы так нарочно вызывать.

Выслушав Шан Аня и убедившись, что дело действительно в этом, он немного успокоился. Тут и думать нечего — поручение явно выгодное. Дом Хуан ведь вышел из морских торговцев, имя в уезде имеет доброе, и все знают об их щедрости. Подобные наймы у воды случаются нередко: нанимают лодочников искать редкость в море. Даже если добычи не будет, уже за сам поход платят серебром, а если повезёт отыскать редкий трофей, полагается ещё награда.

В своем умении держаться на воде Чжун Мин был уверен, и раз уж дом Хуан выбрал именно его, значит, ставка на это и сделана, а потому и вознаграждение должно быть немалое. Узнав, что хозяин велел испытать его в плавании, он почувствовал себя только увереннее.

Способ проверки оказался прост: Шан Ань сходил во двор, о чём-то доложил, а вернувшись, повёл Чжун Мина к уединённому морскому берегу. Сопровождающий мальчик-слуга нёс в руках курильницу, в которую была воткнута палочка благовоний для отсчёта времени.

Издали Чжун Мин заметил на берегу ещё одного человека, к которому Шан Ань относился с особым почтением. Он прикинул, что это, должно быть, хозяин из семьи Хуан, только явно молодой — значит, не сам господин, а, скорее всего, кто-то из сыновей.

Чтобы Чжун Мин не мог тайком уплыть в сторону и, вынырнув, запутать счёт времени, люди из дома Хуан придумали для него хитрую уловку: вручили длинный бамбуковый шест, на конце которого был привязан кусок материи, и потребовали, чтобы под водой он держал шест прямо, так чтобы ткань оставалась на поверхности. Это должно было доказать, что он действительно всё время находится под водой и не хитрит.

Для Чжун Мина это была сущая мелочь. Он охотно согласился, ухватил шест и легко нырнул в море.

С берега наблюдали, как он постепенно уходит под воду, а от длинного шеста всё меньше остаётся над поверхностью. В конце концов качался на волнах только сам лоскуток ткани.

Тонкая палочка благовоний мерно тлела, отсчитывая время, а сопровождающие мальчишки-слуги с любопытством вытягивали шеи. Даже молодой господин из семьи Хуан, казалось, с живым интересом наблюдал за зрелищем.

А вот под водой Чжун Мину было куда скучнее. Из-за шеста он не мог свободно плавать, разве что от нечего делать дразнил проплывающих мимо рыбёшек, позволяя им снова меж его пальцев.

Мимо проплыла морская свинья, Чжун Мин попробовал схватить её голыми руками, но, разумеется, безуспешно. Под конец он и вовсе остался лишь с тем, что считал выпущенные изо рта пузырьки, и впервые понял: если под водой ничего не делать, четверть часа тянется бесконечно долго.

Чтобы прогнать скуку, он стал думать о своём супруге и прикидывать: если дом Хуан действительно заплатит вперёд приличную сумму, то по дороге домой он непременно зайдёт в лавку, где продают вышитые саше с ароматными травами, и присмотрит один для Су И.

Наконец, когда запас воздуха иссяк, он встряхнул бамбуковым шестом и выбрался на поверхность. На берегу уже стояло полно народу, а благовонная палочка в курильнице догорела дотла.

— Видно, действительно кое-какое мастерство у него есть, — раздался чей-то голос.

Даже молодой господин из семьи Хуан подошёл ближе, чтобы посмотреть на диковинку. Чжун Мин, весь мокрый с головы до ног, не осмелился подойти слишком близко — остановился в нескольких шагах и поклонился.

Юноша из рода Хуан выглядел холодным и надменным, и, судя по всему, вовсе не горел желанием с ним разговориться. После пары слов, сказанных Шан Аню, он сразу перешёл к делу:

— Раз уж мы потрудились, подняли людей и приготовили корабль, то не дело будет просто выйти в море и вернуться с пустыми руками. В этот раз придётся держаться в море несколько дней, ночевать ты будешь на корабле, питаться тоже за наш счёт. Самое большее — пять суток. Не найдёшь того, за чем отправили, вернёшься, но с пустыми руками являться нельзя. Что другое редкое встретишь, тоже бери. Если вещь окажется ценной, получишь ещё и награду.

Он сделал паузу и спросил:

— Сколько серебра ты хочешь за то, чтобы сходить в этот рейс?

Чжун Мин отметил про себя, что этот господин ещё слишком молод: на вид лет почти как Чжун Шитоу, хоть и держится с барским высокомерием, но голос еще по-детски неокрепший.

Раз ему позволили назвать цену, церемониться он не собирался. В пределах всего уезда Цзююэ второй такой пловец, как он, вряд ли найдётся, и каждый на берегу понимал, чего стоит его умение. Тем более, в словах хозяев прозвучало ясно: если мифический морской огурец «мэйхуа» не найдётся, то и не беда — можно привезти что-нибудь иное диковинное, лишь бы подошло на подарок ко дню рождения старой госпожи. В этом Чжун Мин был уверен: добычу, которая их удовлетворит, он уж сумеет достать.

К тому же само по себе выйти за дальний морской предел, да ещё на корабле уважаемого торгового дома, для него было давней мечтой: заглянуть в ту неведомую бездну, где вода, должно быть, куда ярче и богаче жизнью.

— Пятьдесят лян, — без колебаний озвучил он.

У Шан Аня тут же глаза полезли на лоб:

— Так много? Ты ещё раз хорошенько подумай! Наш господин признал твоё умение, тем самым оказал тебе честь, ты не вздумай этим пользоваться и заламывать цену.

— Управляющий Шан, не сердитесь. Господин и сам понимает: для меня эта поездка - огромный риск. Хоть я и умею держаться на воде, всё же я человек обычный; в море упадёшь и поминай как звали. Погода там меняется в один миг, а на дне опасностей ещё больше. Если прямо сказать, эти пятьдесят лян и есть деньги за мою жизнь.

Он помолчал и добавил:

— А если меньше... двадцать-тридцать лян я и так сумею заработать, ныряя близко к берегу.

Зачем же ради такой суммы рисковать? Не так ли, господин?

— Пятьдесят лян за жизнь — оно того стоит, — откликнулся молодой Хуан. — Только не надо говорить так мрачно. Мы нанимаем тебя ради подарка бабушке на день рождения, а не чтобы забрать твою жизнь.

Он говорил легко, словно и правда пятьдесят лян для него пустяк:

— Ладно, пусть будет пятьдесят. Шан Ань, согласись. Родителям я сам скажу.

Управляющий хотел было возразить, но молодой господин сразу пресёк его, и тот только склонился с угодливой улыбкой:

— Как господин велит.

Всё равно ведь деньги не его, пусть хоть сто лян отдадут, ему-то что.

Шан Ань, стоя позади господина, недовольно дёрнул бровью и позвал Чжун Мина за собой. Вернувшись в дом Хуан, Чжун Мин, как и рассчитывал, получил задаток — пять серебряных слитков. В руках они лежали так приятно, что даже жалко было разменивать.

По словам управляющего, в море они отправятся только после Праздника Середины Осени. А пока ему оставалось ждать, когда за ним придут.

На обратном пути Чжун Мин шагал быстро, едва не вприпрыжку, так хотелось поскорее показать серебро супругу. Про ароматный мешочек он и думать забыл.

<http://bllate.org/book/13583/1205026>